

Мастера искусств Донбасса

ЧИСТЫЙ ГОЛОС ПЕВЦА

О черк

СЕЛО Луговое под Барнаулом тянется вдоль речки Повалихи на несколько верст. Давно облюбовали эту землю русские люди — хлебопашцы, мастера... Строили здесь доброту, основательно. Да и как иначе — вон лес-то какой вокруг — пихты, ели — не обхватишь...

И фамилии здешних жителей на древность родов указывают. Скажем, вот Калинины. Помните у А. К. Толстого:

Мы бедные калики,
Мы старцы-гуслары.
Но петь не горемыки
Везде, где есть пиры.
И если бы две свадьбы
Затеял ты сыграть,
Мы стали распевать бы
Да струны разбирать!

«Профессиональная» примета фамилии не дождала до наших дней. Но любовь к песне в семье родившегося уже в нынешнем веке Георгия Степановича Каликина — слесаря местной мельницы (за внушительные по сельским масштабам размеры ее почтительно величали «заводом») осталась. Вернее, перешла от отца с матерью, деда, прадеда, бабушки, прабабушки.

Бывало, как заведут под вечер: «У зари-то у зореньки много ясных звезд, а у темной ноченьки им и счету нет», — соседи, домашние замрут, ловя переливы голосов, в которых слились воедино русская удаля и печаль, любовь к родной земле, верность отчеству дому, суженным своим...

— Мне кажется, — говорит сегодня солист Донецкого академического русского театра оперы и балета, народный артист республики Геннадий Георгиевич Каликин, — что с песней, с мелодией я и родился, и рос. Это было — как дышать, говорить, есть, пить, работать...

Может, потому и не создал деревенский парнишка, всей ценности того, что даровано было ему природой, получено от рождения. Уже после того, как отпел на всех школьных вечерах, съездил на районные фестивали и стал обладателем грамот и дипломов, учитель пения сказал: «Может, тебе, Гена, на певца пойти учиться?» — «А возмут?» — де-

ловито осведомился юный дипломант районного конкурса. — «Попытка не пытка, — осторожно заметил учитель. — Данные, конечно, есть, но...». И про себя подумал, как было бы хорошо, если бы его ученик поступил в консерваторию и со временем — кто знает — может быть, и стал бы знаменитым оперным певцом.

«А чего там «но»! — решил семнадцатилетний крижистый паренек. — Вот возьму и поступлю в Московскую консерваторию имени Петра Ильича Чайковского!».

И он сел в поезд, и несколько дней спустя уже уверенной походкой входил в зал, где прослушивали абитуриентов, отважившихся предстать перед авторитетнейшей комиссией, в которую входили и всесоюзно известные певцы.

— Что подготовили? — осведомился председатель.

— «Тройку». Ту самую: «Вот мчится тройка удалая вдоль по дороге столбовой, ямщик уны...».

— Ноты, пожалуйста.

— А зачем? — удивился абитуриент. — Ее и так все знают.

Члены комиссии переглянулись. Аккомпаниатор, дабы не смущать парнишку, приехавшего из алтайской дали, пряча улыбку, поспешно согласился: «Конечно, конечно». И сыграла вступление.

И он запел «про ясны очи, про очи девицы-души», и голос его звучал так сильно и чисто, а в словах о ямщике, поведавшем случайному путнику о своем горе, столько было неподдельной грусти-тоски, что члены комиссии единодушно решили допустить способного юношу к дальнейшим прослушиваниям и экзаменам.

А Геннадий на дальней-

шее не явился. Ему, видите ли, не понравилась суета на улицах, шум и гам консерваторского общежития, столь непривычные после сельской размеренности и тишины. И он решил поехать на юг, выходя на каждой станции и присматриваясь, где бы остановиться. Приглянулась привокзальная площадь в Харькове, и он надолго прервал свое путешествие, хотя билет и был взят «до самого моря».

Много лет спустя он так определил причину своего поспешного отъезда: «Юношеский максимализм и подсознательное ощущение преждевременной специализации в искусстве. Ведь артист — это не только природные данные и школа. Это еще и жизненный опыт, которого у меня тогда не было. А без знания жизни и людей как выходить на сцену? Что можно сказать своим пением, игрой, если ты сам почти ничего не знаешь о жизни?».

В Харькове Геннадий закончил техническое училище, техникум, работал в сборном цехе прославленного ХТЗ. И все это время пел. На работе мурлыкал себе под нос песни и арии (большой город с давними театральными, вокальными традициями познакомил его с серьезной музыкой), в заводской самодеятельности пел. И когда четыре года спустя вновь предстал перед комиссией (теперь уже Харьковской консерватории), ничто не напоминало в нем самонадеянного юноши из Лугового, убежденного в том, что ноты не нужны, если знаешь песню «с голоса».

И замечали годы учебы. Именно замечали — так насыщен был каждый день заведующего лабораторией сварочных работ одного из

управлений треста «Харьковсантахмонтаж» (туда он был назначен после окончания техникума) и студента-вечерника консерватории Геннадия Каликина.

Добавьте к этому обязательное участие в оперной студии, концерты, и вы сможете представить, как были уплотнены учебно-рабочие дни и ночи! Выручало могучее сибирское здоровье и, конечно же, талант.

К тому же еще Геннадий обладал характером упрямым и частенько, образно говоря, протоптанным тропинкам предпочитал таежную чащобу с буреломом. Именно в преодолении вокальных сложностей находил он наиболее полное творческое удовлетворение. В концертной студии консерватории он разучил и исполнил партии Грязного из «Царской невесты», Гортензю из «Укрощения строптивой», Алеко. Разойдясь во взглядах о манере исполнения с преподавательницей камерного пения, полгода потратил на разучивание сложнейшего шумановского цикла «Любовь поэта» и доказал-таки свою правоту.

Все это сослужило хорошую службу певцу, когда он после окончания консерватории был приглашен в Донецкий театр оперы и балета. Геннадия Каликина не пришлось вживаться в коллектив, искать в нем себя. Под руководством опытейшего режиссера, народного артиста УССР А. А. Здиговского, дирижера А. С. Пресича он очень быстро вошел в основной репертуар и был замечен любителями и знатоками оперного искусства. Немалое значение имела и поддержка уже работавших тогда в театре товарищей по искусству — Раисы Колесник, Анатолия Галенина,

Надежды Романковой, концертмейстеров Сарры Копелевой и Татьяны Митряевой и других, с которыми у Геннадия Каликина на многие годы установились дружеские творческие отношения.

Первая роль в театре — партия Грязного из «Царской невесты». Знакомая по консерваторской студии, она и по сей день — одна из самых любимых у певца. Партию Грязного исполнял он не только в двух оригинальных постановках оперы Римского-Корсакова в Донецком театре, но и в спектаклях Киевского, Свердловского, Воронежского, Ташкентского, Душанбинского театров. Сохраняя верность традициям, солист должен был в то же время органически входить в сложившиеся ансамбли постановочных коллективов, не поступаясь и собственными представлениями о созданном им сценическом, вокальном образе. Что и говорить, сложно, очень сложно!

Все новые и новые спектакли, новые партии, образы. Мазепа, Онегин, Князь Игорь, граф де Луна из «Трубадура», Ренс из «Девушки с Запада» Джакомо Пуччини... Артист упорно работает, стремясь проникнуться мироощущением своих героев, как можно полнее раскрыть замысел создателей бессмертных шедевров оперной классики.

Классика — основа его репертуара. Но, как и большинство его товарищей по сцене, Геннадий Каликин мечтает о роли, приближенной к нашему героическому времени, к донецкому краю, ставшему второй его родиной. Событием в своей творческой жизни считает Каликин партию Сергея в опере В. Губаренко «Сквозь пламя», посвященной революционным событиям в Донбассе, подвигу

большевика-ленинца Артема. Работая под руководством народного артиста УССР Е. И. Кушакова и заслуженного артиста УССР Т. О. Микитки над образом Сергея, артист встречался с сыном выдающегося революционера, перевернул горы книг. С увлечением сыграл Геннадий Каликин и роль шахтера Романа в оперетте О. Никольской «Любовь всего дорожке», спектакле о романтике горняцкого труда, дружбе и взаимовыручке добытчиков черного золота.

Народный артист УССР Геннадий Георгиевич Каликин часто выступает с концертами в нашей и других областях, республиках. Не раз аплодировали ему и зрители в ГДР. Он встречается со своими поклонниками в рабочих клубах, общежитиях, нарядных шахт, на полевых станках.

Однажды во время концерта в шахтерском Дворце культуры в Димитрове внезапно погас свет. Умолк голос певца, тишина воцарилась в зале. Но лишь на минуту. «Не уходите, пожалуйста, — раздался молодой голос, — свет сейчас будет!».

И сразу в нескольких местах вспыхнули яркие лучи шахтерских лампочек-коногон. Как руки друзей, протянулись они к сцене. Все ближе, ближе. И вот уже стоят на роле, вырывая из темноты ноты, руки концертмейстера — композитора, лица певца. «Концерт продолжается!» — объявил Геннадий Каликин и запел:

Белую лебедушкой
Вдоль села
Русская раздольная поплыла...

Вздрагивали блики коногон на красивом, мужественном лице артиста, знающего жизнь и труд не понаслышке, ощущающего кровное свое родство с сидящими в зале. Сильно, чисто, проникновенно звучал его голос, западая в сердца горняков. Народный артист республики Геннадий Георгиевич Каликин делал то, чему посвятил свою жизнь. Он пел для народа, знал, что его слушают, и чувствовал себя счастливым. Ведь собственно говоря, что такое счастье? Счастье — это когда тебя понимают.

В. РУССОВ.